

Глинкин, П. «Горячий снег» Ю. Бондарева (1969) [Текст] / П. Глинкин // Глинкин, П. Молодой герой советской литературы [Текст] (в прозе о Великой Отечественной войне) : пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1980. - С. 61-67.

Духовное обогащение персонажей прозы Бондарева этого периода в сравнении с ранними повестями писателя придало новые черты его таланту, сделало «Горячий снег» одним из наиболее значительных явлений военной беллетристики на стыке шестидесятых — семидесятых годов. Нравственная проблематика этого романа заметно отличается от того, с чем встречался читатель на протяжении предшествовавших лет в прозе как самого Бондарева, так и его ближайших товарищей по литературному делу. Правда, коллизии молодых офицеров: комбата Дроздовского и командира огневого взвода Кузнецова, санитарки Зои Елагиной, лейтенанта Давлатян, сержанта Нечаева знакомо «бондаревские», но душевные муки юных героев, опаленных огнем сражений, становятся ближе тем, кто занят трудным поиском истины в наши дни. Все это делает роман «Горячий снег» особенно актуальным и одновременно отдаляет его от жанра чисто исторического повествования. На это обстоятельство счел необходимым обратить внимание читателей сам прозаик, провозгласивший во вступлении к роману, что его творение не ставит себе целью остаться «единственным и подробнейшим документом военных событий в районе Сталинграда и юго-западнее Сталинграда в декабре 1942 г.». Поскольку фактическая основа все же не отвергается полностью, этими замечаниями автором оговаривается право на художественный вымысел: «Автор, будучи участником описываемых событий, в общем, имеет в виду действия 2-й гвардейской армии. Однако предлагаемое повествование не воспоминания и не мемуары, поэтому номера наших соединений, полков и подразделений взяты произвольно, как и фамилии действующих лиц, за исключением нескольких имен».

Напряженность духовной жизни была свойственна и раньше персонажам Бондарева, но она, эта напряженность, казалась иногда несколько локальной, оторванной в сюжете от огромности всенародного действия, связывалась с величием исторических усилий государства несколько условно — как бы «за кадром» романских перипетий. Отсюда и некоторая искусственность нравственных конфликтов в ранних повестях Бондарева и почти неременная для «молодой» прозы о войне «безымянность» боев мелких подразделений. Перейдя от жанра типично «фронтной» повести к основной форме эпического повествования — к роману, Бондарев сделал очень существенный шаг в выборе объекта изображения. Центром художественного исследования стали людские судьбы на ураганном ветру опаснейшего с военно-исторической точки зрения события.

Контрудар Манштейна, рассчитанный на деблокирование армии Паулюса, создал одну из самых острых ситуаций в зимней кампании 1942—1943 г., поставив под угрозу исход всей операции «Сатурн». Советское командование оказалось вынуждено изменить первоначальные планы использования резервов; значительные силы, предназначавшиеся для

развития успеха и завершения окружения южной группировки гитлеровских войск, были переориентированы на отражение танкового тарана дивизий Гота.

Естественно, событие подобного масштаба потребовало от романиста особых композиционных построений, введения на страницы книги исторических лиц, проникновения в их душевный мир, раскрытия человеческих взаимоотношений на высоком уровне армейских градаций. В этом плане Бондареву как романисту удалось сказать свое, свежее слово. Взаимодействие — а не каждая фигура по отдельности — командарма Бессонова, члена Военного совета Веснина, начальника штаба генерала Яденко, командующего артиллерией «сорокалетнего черноволосого красавца» Ломидзе, адъютанта командующего армией — веселого, молодого, энергичного, исполнительного, отважного майора Божичко, начальника разведотдела Дергачева, других участников штабного состава ударной армии становится постепенно очень существенной частью романной коллизии. От слаженности, надежности оперативной работы этого тонкого ответственного механизма зависит не только исход сражения, в какой-то степени даже судьба кампании, но и благополучие, честь, будущее каждого из героев повести и еще десятков, сотен тысяч рядовых не названных в произведении участников сражения. Бондарев, со свойственной его таланту смелостью, наделил каждого из своих персонажей ярко выявленными психологически мотивированными особенностями натуры. Положение усугубляется тем, что Бессонов, новый командующий, вводит армию в битву, только еще знакомясь с людьми, оставаясь сам для них во многом загадкой. Писателю как бы доставляет наслаждение решать бесчисленные ребусы складывающихся взаимоотношений, наблюдать, как с трудом иногда умно, а чаще не без сучков и задоринки, притираются люди друг к другу. Только на фоне «взрослых», серьезных столкновений характеров, решения конфликтных ситуаций на высшем уровне, вплоть до встречи генерала Бессонова с Верховным Главнокомандующим, приобретают истинное свое значение и направленность нравственные коллизии в батарее, огневом взводе...

Вот колючий, резкий Бессонов очередной раз поставил в затруднительное положение ближайшего соратника неожиданностью решения ехать к Дееву после совещания на командном пункте.

«Вышагивая цапельно-длинными ногами, Веснин подошел к Бессонову, сказал с некоторым замешательством:

— Петр Александрович, шут с ними, с пельменями! Разреши присоединиться? Не возражаешь, если я с тобой на энпэ?

— Не понимаю. Член Военного совета не обязан, как я знаю, спрашивать разрешения у командующего, где находится. Сам волен решать...

— Петр Александрович, ты огорошиваешь меня своей, прости, прямой. Что я должен ответить?..

— А вот что... — Бессонов отвел Веснина от машины в сторону. — Хочу задать еще один очень прямой вопрос. Как коммунист коммунисту... Если тебе, Виталий Исаевич, кто-то посоветовал присматривать за новым командующим... особенно при вступлении в должность, то отношения наши грозят осложнениями. С трудом будем терпеть друг друга. — Он помолчал, и Веснин не перебивал его. — Если же это не так, готов немедленно извиниться

за вышесказанное.

— Петр Александрович, — Веснин даже сдернул очки, с грустным вниманием глядя своими близорукими глазами. — Спасибо за откровенность. Но заявляю тоже совершенно искренне: если бы кто-то попытался насторожить мое внимание в твою сторону, я послал бы этого дурака к чертовой матери, если не дальше! Больше добавить ничего не могу.

— Благодарю, — усмехнулся Бессонов. — Извини за этот разговор.

— Напротив, — сказал Веснин, — я хотел бы, чтобы у нас нашлось время поговорить более обстоятельно. Только не в машине, конечно.

— В дивизии поговорим, — пообещал Бессонов. И тут же добавил: — Разумеется, если немцы позволят...»

Это лишь один из примеров для иллюстрации бондаревской манеры изображения человеческих отношений. Он строит их на постоянном разрешении возникающих противоречий, на столкновениях воль, характеров, на подчас эмоциональном противопоставлении восприятия одних и тех же событий разными людьми, переходящем, наконец, в расхождение нравственных принципов, а еще глубже — ведущем к противоречиям в мирозерцании людей, делающих общее дело. Писательскую позицию определяет принцип, что отнюдь не всякие средства оправдываются благородством цели. Более того, успешное достижение такой цели во многом зависит от нравственного потенциала ее исполнителей. Так, на этом, собственно, и строится противоположение взглядов, жизненных принципов, «философии» справедливой войны, исповедуемых юными лейтенантами Дроздовским и Кузнецовым. Они, эти их противоречия, начинаются будто бы с малого — с деталей поведения (с отношения к подчиненным), которые все усложняются, ширятся, распространяются на отношение к женщине, на способ командования, на поведение в бою, достигая конфликтной остроты в центральной сцене романа, если говорить о развитии нравственных коллизий, когда комбат Дроздовский посылает на явную смерть, не оправданную необходимостью, ездового из взвода Кузнецова. Кузнецов, глотая спазму, не мог выговорить ни слова, пальцами рвал крючок на воротнике шинели, чтобы освободиться от жаркой тесноты. «Кто это сказал убило? Рубин, кажется?» Кузнецов не знал, что сейчас сделает, еще не совсем поверив, но увидев эту обнаженную, эту чудовищно-открытую смерть Сергуненкова возле самоходки. Он, задыхаясь, взглянул на Дроздовского, на его болезненно искривленный рот, только одно выдавливающий:

«Не выдержал, не смог, зачем он встал?..» — и, как в ознобе, вдруг проговорил ссохшимся, чужим голосом, поражаясь тому, что говорит:

— Не смог? Значит, ты сможешь, комбат? Там, в нише, еще одна граната, слышишь? Последняя. На твоём месте я бы взял гранату — и к самоходке. Сергуненков не смог, ты сможешь! Слышишь?..

«Он послал Сергуненкова, имея право приказывать... А я был свидетелем — и на всю жизнь прокляну себя за это!..» — мелькнуло туманно и отдаленно в голове Кузнецова, не до конца осознающего то, что говорит; он уже не понимал меру разумности своих действий.

— Что? Что ты сказал? — Дроздовский схватился одной рукой за щит орудия, другой за бровку окопа и стал подыматься, вскинув белое без кровинки лицо с раздувающимися тонкими ноздрями. — Я что, хотел

его смерти? — Голос Дроздовского сорвался на визг, и в нем зазвучали слезы. — Зачем он встал? Ты видел, как он встал? Зачем?..

В те секунды, глядя в глаза Дроздовского, растерянные, ошеломленные, он словно оглох и не слышал ни выстрелов батарей, ни низкого гудения атакующих слева танков, ни разрывов на берегу, лишь не выходили из памяти задымившаяся шинель на Сергуnenкове, его тело, мешком переворачиваемое на снегу пулеметными очередями: то, что произошло с Сергуnenковым, не было похоже на смерть Касимова, даже на гибель расчета Чубарикова, раздавленного танком возле орудия. Эту смерть Сергуnenкова он все-таки не представлял увидеть так обнаженно и бессмысленно просто...

— Видеть тебя не могу, Дроздовский! Не могу!..»

Вот этот динамизм исследования нравственных проблем и созвучен нашим дням, он делает произведения лучших мастеров художественного слова предельно актуальными, вызывая сильную ответную реакцию у читателя. Если с фактографией действий 2-й ударной армии, остановившей танковый марш армейской группы фашистского генерала Гота, читатель знаком по трудам военных специалистов и публицистов, по мемуарам бывшего командующего этой армии, и, значит, его, читателя, «исторический интерес» уже в большой мере удовлетворен, то, беря в руки роман об известных событиях, он ждет утоления интересов эстетических, ибо, как заметил еще Л. Н. Толстой, в каждом из нас как читателе дремлют одновременно историк и художник.

Однако романист, даже оговоривший свое право на творческую фантазию, на замену реальных лиц и номеров войсковых частей, обязан сохранить незаурядный такт при описании столь значительного эпизода в хронике Великой Отечественной войны. Углубляясь в изображение страстей, сплетений человеческих судеб, погружаясь в стихию внутренних борений, духовных драм, столкновений характеров, он обязан достоверно передать общий эмоциональный фон героической страницы народных летописей — то, что называют «духом времени», иначе историческая правда может оказаться нарушена. Бондарев, однако, избегает натяжек, осовременивая нравственную проблематику в романе. Самые непримиримые размежевания персонажей по вопросам этики, самые грубые изломы людских биографий, тончайшие нюансы лирических отношений, т.е. все личное, отдельно-человеческое словно бы поверяется общим, главным для жизни государства, первостепенным в тот час для судьбы народа. И эти постоянные писательские соотношения, внутренне необходимые ему, дают нужный эффект; в решительные минуты на страницах романа возникает совершенно естественно атмосфера всеобщности порыва, взаимопонимания и согласия без слов. Инстинктивно приходящее чувство опасности требует осознанного преодоления препятствий, раздоров, отстранения личных неурядиц на задний план.

Форсированный, изнурительный двухсоткилометровый марш в обход Сталинграда к югу, навстречу рвущимся к кольцу окружения дивизиям Гота. Истинное положение вещей и цель броски ударной армии знают лишь несколько человек. Но солдатские массы интуитивно не менее точно улавливают общий смысл происходящего. Еще во время спешной выгрузки

из эшелона «лейтенант Кузнецов вдруг почувствовал эту всеобщую объединенность десятков, сотен, тысяч людей в ожидании еще не изданного скорого боя и не без волнения подумал, что теперь, именно с этих минут перед движением к передовой, он сам связан со всеми ими надолго и прочно. Даже всегда бледное лицо Дроздовского, командовавшего разгрузкой батареи, казалось ему не таким холодно-непроницаемым, а все, что испытывал он во время и после налета «мессершмиттов», представлялось навсегда ушедшим, забытым. И недавний разговор с Дроздовским тоже отдалился и забылся уже».

В момент затишья перед грозой боя, под утро, когда на передовую линию занятой дивизией Деева обороны приехал командарм и все стояли в тревожном ожидании неизбежного, снова возникало у людей это чувство слитности, а трения, незадачи личные отношений у молодых героев отошли, потеряли смысл. Бессонов, приняв рапорт Дроздовского, коротко перемолвившись с ним, отвернулся. «Он был занят другим. А лейтенанты Кузнецов и Давлатян, оба вытянувшись, объединенные сейчас общей ответственностью командиров одной батареи, солидарно поглядывали на Дроздовского, — предчувствие надвигающегося боя уравнивало, сближало их теперь. Дроздовский же в те минуты, предполагая и взвешивая все, что привело командующего армией и командира дивизии на его батарею, не замечал ни Кузнецова, ни Давлатяна, вместе с тем мысленно говорил себе то, о чем думали они: «Да, скоро, наверно, начнется, может быть, сейчас... Скорее бы только!..»

Так от страницы к странице, от главы к главе по мере развития решающего действия, в смертной схватке двух непримиримых сил рождается, крепнет, охватывает подавляющее число воинов армии, огромный людской коллектив волна подъема, скрытого энтузиазма, готовности к очень решительным поступкам. В таком состоянии люди и проявляли массовое мужество, когда даже внешне жалкий, робкий, пришибленный Чибисов из взвода Кузнецова в беспощадной дуэли с танками делал именно то, что нужно, — стоял насмерть и выстоял. Позже это будет названо подвигом, а тогда выглядело естественным, нормальным поведением «как все»: «он был, пожалуй, не хуже и не лучше других заряжающих», подумал вечером о нем лейтенант, «затуманенно вспомнив Чибисова в бою, — движения его рук возле казенника, рвущих назад рукоятку затвора, оторопелое, как в последнем жизненном проявлении лицо в обводе подшлемника, который он с марша не снимал, и вместе с тем спину его, съезженную, по виду обреченную, приготовленную к страшному».

Оказывается, по мысли писателя, формы массового героизма не обязательно требуют внешних, так сказать, картинных показаний состояния возвышенности духа у единицы. Важна жажда участия в этой общности грозящего смертью, вызывающего ужас, но праведного по главной своей основе дела. Тогда следуют поступки правильные и единственно возможные для критической ситуации (вспомним леоновское определение подвига как естественной кульминации в поведении индивидуума), тогда воля согласна с чувством, преодоление страха исключает возможность ложных действий во имя спасения своей жизни. Таков именно подвиг героев Бондарева. Автор не стесняется изобразить, как бросаются на

землю все наиболее симпатичные ему персонажи, он заставляет их пережить и «стыдные мгновения» на виду у других или сообща, до предела истощает их физические силы, а духовные ставит на грань предельного напряжения. Но уж, конечно, он их и не унижает трусостью. Это дети своего времени и своего народа. В потоке всеобщего мужества, массового народного подвига Бессонов, Деев, Веснин, Давлатян, Кузнецов, Зоя, Уханов и многие, многие другие с честью выходят из невероятных испытаний, предложенных им авторской волею, и вкуче «меняют русло исторической реки» (выражение Л. Леонова). Не прошли танки Гота, отражен контрудар Манштейна, не вырвалась из кольца армия Паулюса, состоялась победа под Сталинградом, определился перелом в ходе войны.

Современность мироощущения писателя в гуманизме его позиций — он не скрывает от глаз и сердца читателя страшную цену, какой окуплена, защищена свобода. Но он подлинно историчен, когда чутко восстанавливает и хранит духовную атмосферу героического периода в жизни народа. Как художник-психолог он бережно относится к проблеме правды характера.